

Поморами называли русских – потомков древних поселенцев, заселивших побережья Белого моря. Так же называли и жителей более обширного региона, расположенного на берегах Онежского озера и по рекам Онеге, Северной Двине, Мезени, Печоре, Каме и Вятке. Русских, населяющих все эти районы, объединяет общее происхождение: они являются потомками древних русских поселенцев, преимущественно из Новгородской земли. Поморьем раньше обозначали и более обширную область Севера Европейской России, расположенную к северу от 60-й параллели. В научной литературе эту область традиционно именуют Русским Севером. Здесь сложился своеобразный комплекс культуры, сформировавшийся у потомков – переселенцев из Новгородской и Ростово-Суздальской (позже Московской) земель. При этом в северо-западной части Русского Севера преобладающей была роль новгородских, а в юго-восточной – ростово-суздальских поселенцев. Определенную роль здесь сыграло смешение этих двух переселенческих потоков, способствовавших появлению своеобразных черт в культуре Русского Севера. Культурную общность населения этой области обусловило единство социально-экономических условий в течение длительного периода времени.

Русский Север всегда играл важную роль в истории и культуре всей России. Поморы участвовали в освоении арктического морского пути, имевшего большое значение не только для России, но и для всей Европы. Из их среды вышли известные землепроходцы XVII века: Ерофей Хабаров, Семен Дежнев, Василий Поярков и др. Описания и карты землепроходцев вошли в основу мировой картографии. Известен также вклад северян в дело освоения сибирских просторов; они были первыми среди славянских поселенцев в Сибири, на Дальнем Востоке, Сахалине, Аляске. Велика была роль Русского Севера и в отечественном судостроении: здесь началось строительство русского военного флота. Из северных городов и сел вышло много ученых, художников, писателей. Достаточно вспомнить имя М.В. Ломоносова, родившегося в д. Денисовка Холмогорского района Архангельской области. В сокровищницу мировой культуры вошли имена северных сказителей Т. Рябинина, В. Щеголенка, М. Крюковой.

Особую роль как в освоении, так и в дальнейшем развитии Поморья сыграли монастыри, некоторые из них: Соловецкий, Николо-Карельский, Антониево-Сийский,

Карта "Север Европейской России"

Красногорский – имели общероссийское значение. Помимо выполнения своей основной задачи, заключавшейся в распространении и укреплении христианской веры, причем не только среди русского, но и среди финно-угорских народов, просвещении и лечении верующих, монастыри участвовали в экономике края, владея немалым числом земельных и водных угодий, вели на них образцовое хозяйство, способствуя распространению новых технологий. Они же занимались селекцией.

Подобную роль на Севере играли не только православные монастыри, но и старообрядческие скиты (общежития), многие из которых нашли пристанище в этом крае, причем следует подчеркнуть, что старообрядцы, в силу присущей им консервативности, в большей мере были хранителями и распространителями древнерусских традиций. Примером может служить деятельность знаменитого Выгорецкого старообрядческого скита, оставшегося крупнейшим очагом новгородской культуры в течение XVII – середины XIX века. В северо-восточных районах Русского Севера, в селениях по Мезени и Печоре, столь же значительным было влияние Великопоженского скита, основанного в 1720 году в Великих Лугах на Печоре.

В формировании этнографических особенностей собственно поморов, населяющих побережья Белого моря и низовья рек Северной Двины, Онеги, Мезени, Кулоя, Печоры, особенно большой была роль Новгорода Великого, который был частью культуры Киевской Руси. После татаро-монгольского вторжения Новгород, не подвергшийся, подобно Киеву, разорению, в течение веков сохранял традиции древнерусской культуры. После поражения Новгорода в борьбе с Москвой хранителем этой культуры стал Русский Север, что во многом определило его своеобразие.

Экономическую и культурную жизнь Русского Поморья во многом определяло географическое положение, в силу которого че-

рез Поморье проходили пути, с глубокой древности соединявшие Восточно-Европейскую равнину с Сибирью.

Первоначально торговые пути, шедшие через Север, контролировались новгородцами. Торговые связи Новгорода распространялись от Фландрии и ганзейских городов до Югорской земли и от Скандинавии до Константинополя и Астрахани. Через Новгород в эти земли отправлялось сырье, стекавшееся из новгородских пятин, волостей и подвластных земель. Роль Новгорода в торговле, особенно с Западной Европой, возросла тогда, когда после падения Константинополя и татарского нашествия прежняя торговля с Византией и Востоком пришла в упадок, а Великий водный путь из Варяг в Греки утратил свое былое значение. Эту роль Новгород сохранял до своего поражения (1478 г.) в борьбе с Москвой, когда Печорский путь полностью перешел в руки московских великих князей, которые использовали его для подчинения Югры. Путь этот потерял значение лишь после завоевания Казани и освоения камских путей в Зауралье. Однако еще в XVII в. он оставался важнейшей артерией, по которой шло движение русских промышленников на соболиные промыслы. Не меньшее значение сохранял и другой путь, с Пинеги, Двины и Мезени в Мангазею. На протяжении печорского и морского путей вырастали слободки и становища, как, например, Ижемская, Устьцылемская, Окладникова и др.

С XVI в. главную роль в северно-русской торговле начинает играть Архангельск, куда в летнюю навигацию съезжались многочисленные купцы из Сибири и из Западной Европы. Свое торговое и хозяйственное значение Архангельск и весь Русский Север несколько утратил после завоеваний Петра I, когда основная роль в сношениях с Западом перешла к Петербургу. Однако, хотя объем государственной торговли, производимой через Архангельск, после указов Петра I значительно сократился, сношения русских поморов с поморами скандинавскими, особенно норвежскими, продолжались. Жители селений поморского берега Белого моря – Кеми, Шуи, Сороки, Сумы – на своих лодках плавали не только по родному Белому морю, но и по океану, достигая Норвегии. В торговлю с Норвегией были втянуты также поморы, промышлявшие на Мурманских и новоземельских промыслах.

В своих дальних, смелых морских и океанских плаваниях поморы пользовались лодками собственного производ-

ства. Небольшие лодки мог смастерить каждый поморский хозяин, однако, имелись мастера, способные построить крупные морские суда. Наиболее известными в этом отношении были карелы деревни Подужьемы, расположенной недалеко от Коми. Их услугами пользовались не только поморы – жители соседних сел, но и керчане, варзужане, мезенцы, жители Соловков и Архангельска и даже англичане и немцы. Лодейные мастера, как правило, не пользовались ни чертежами, ни планами, а руководствовались в своей работе традиционными навыками и врожденным чутьем. Также "по вере", по старым приметам, полагаясь на незаурядную память и верные приметы, поморы водили свои суда. Лишь у некоторых хозяев имелись передаваемые по наследству записные книжки (лоци), где отмечались опасные мели, пороги, удобные и безопасные становища.

Подобные торговые связи Поморья, да и всего Русского Севера, поддерживали промысловый характер хозяйственной деятельности поморов, сложившийся, безусловно, в первую очередь под влиянием географических условий. Близость холодного океана делала малоуспешным занятие земледелием, а обилие морской фауны создавало благоприятные условия для промысла морского зверя и рыбы.

Другим важным промыслом севернорусских крестьян была охота на пушного зверя и дичь. Этот вид деятельности всегда играл большую роль в жизни восточных славян, однако, по мере сокращения площади лесов и истребления зверя, значение этого промысла со временем упало. И только в северных районах охотничий промысел, приобретая промышленный характер, сохранил большое значение. Наряду с общераспространенным способом охоты с помощью ружья и собаки, до недавнего времени у северян применялись всевозможные ловушки старого типа – силки, капканы и т.п.

Известную роль играли также и отхожие промыслы, когда крестьяне, создавая артели плотников, печников, кровельщиков, маляров, уходили на заработки в другие села и города, включая Петербург. Однако этот вид хозяйственной деятельности не получил на Севере такого размаха, как в среднерусских губерниях.

В более южных районах Поморья заметную роль играло земледелие. Поскольку не только пшеница, но и рожь здесь вызревала плохо, главную роль в земледельческом хозяйстве играл ячмень, который северные русские называли "жи-

том", подобно тому, как в других русских областях называли пшеницу или рожь, то есть преобладающую культуру. Выращивали также овес, который в основном шел на корм скоту.

Заметная роль в хозяйственной жизни северян принадлежала ловле рыбы – трески, семги, сельди, в меньшей мере наваги, камбалы, корюхи. Однако ловля рыбы в реках не всегда имела промысловое значение: ею занимались бедняки, пополняя таким образом свой пищевой рацион. В селениях, расположенных на морских побережьях, наряду с рыболовством занимались промыслом морского зверя, главным образом тюленя и белухи. Наиболее распространенным орудием ловли был невод, нередко большого размера, иногда до нескольких сот метров, так что для неводного лова рыбы поморы объединялись в артели.

Из домашних производств, носивших нетоварный, потребительский характер, особенно широко были распространены женские ремесла: прядение, ткачество, шитье, вышивание. Материалом для изготовления домашних тканей служили лен и шерсть. Путем специальной обработки из них получали кудель, из которой скручивали нить с помощью прялки и веретена. Затем на ткацком станке ткали полотнища. Некоторые виды ткани шли на продажу, в том числе и за границу; во времена парусного флота в европейских странах ценилось русское полотно. Спросом пользовались также и некоторые узорные ткани и вышивки.

Большинство мужских промыслов на Севере было связано с обработкой дерева: плотницкое, столярное, бондарное, корзинное, ложкарное, игрушечное и т.п. ремесла. Сугубо мужскими были кузнечный и гончарный промыслы, имевшие место во многих северных районах. Широкой известностью пользовались и некоторые художественные промыслы: косторезный – в Холмогорском районе; медного литья – в с. Кимже; художественной обработки дерева – в Палашелье, Олеме, Борке, Пижме и др.

Своеобразным промыслом поморов была добыча жемчуга, который находили на дне рек, впадавших в Белое море, а также на морских побережьях. В отличие от рыболовных и зверобойных артельных промыслов, добычей жемчуга занимались в одиночку. Необработанный жемчуг продавали скупщикам из России и Скандинавии. Какую-то часть покупали мастера из местных крестьян, которые кустарным способом просверливали жемчужины и

обрабатывали их. Жемчугом отделявали нарядную одежду поморок, особенно головные уборы, а также из него делали украшения, ожерелья, пуговицы и т.п.

С середины XIX в. особое значение в хозяйственной деятельности Поморья получила лесопильная промышленность.

На Русском Севере преобладала линейная форма расселения, когда селения располагались вдоль берега (обычно высокого) реки или вдоль морского побережья, что связано с особенностями заселения рассматриваемой территории. Население, осваивавшее лесные просторы Европейского Севера, постепенно поднималось с юга по рекам к морю.

Наиболее распространенными формами поселений были погосты, волости, села и деревни. Село отличалось от деревни большим размером и наличием церкви. Волость объединяла несколько сел и деревень. Погостом называли поселение, в котором, помимо церкви, располагалась местная управа.

Господствующим типом дома северян, как и у всех восточнославянских народов, является трехкамерный, или раздельный, дом, включающий в себя жилую избу, клеть (сени) и двор. Из разнообразных видов связи построек на Севере преобладает однорядная, когда постройки располагаются вдоль одной оси. В случаях, когда соединенные таким образом постройки покрывались крышей на одном уровне, жилище называлось "связью". На Архангельском, Вологодском и Карельском Севере такие постройки достигали внушительных размеров, нередко вклю-

чая в себя двухэтажную избу и двухэтажный двор, где второй этаж (поветь) служил кладовой и сеновалом, а первый предназначался для скота.

Наиболее характерным элементом северно-русского жилища, как и жилища всех восточнославянских народов, является так называемая "русская печь", прототипом которой многие считают печь-каменку, сохраняющуюся в банях, представляющую собой куполообразную кладку из камней, скрепленных глиной. Глинобитные печи позже были заменены кирпичными. Первоначально печи не имели дымохода; избы, как и бани, топились "по-черному", когда дым выходил через дверь. Позже возобладала печь с дымоходом.

Русские печи многофункциональны. Помимо основной цели – обогрева жилья, приготовления пищи, хлебопечения – печь использовали для сушки одежды, обуви, хранения домашней утвари, на ней лежали и спали (обычно старики и дети). В некоторых районах в специально приспособленном подпечье зимой содержали мелких животных и молодняк. Печь занимала большое место в традиционных обрядах, особенно семейных, и в фольклоре.

Основным сосудом для приготовления пищи в русской печи был печной горшок, глиняный или чугунный, который, в отличие от котла, подогревавшегося снизу, прогревался с боков. Основу пищевого рациона поморов, как и всех русских, составлял хлеб. Поскольку главная зерновая культура – рожь – не всегда успе-

вала вызреть в северном суровом климате, в ржаную муку добавляли смесь овса и ячменя. Хлеб, выпеченный из чистого ячменя, назывался "житником". Из ячменной крупы готовили горячее блюдо – похлебку. Немаловажное место в пище северян занимали жидкие блюда из толкна – овсяной муки, приготовленной по специальной технологии.

Вторым по значению продуктом северян была рыба, которая в изобилии водилась в местных реках и озерах, а также

Деревянная церковь XVII в.
в с. Кимжа Мезенского района.
Фото Б. Макеева, 1976 г.

в море. Помимо общеизвестных способов приготовления рыбы, у поморов было принято делать квашеную рыбу, причем готовой к еде такая рыба считалась, когда от нее шел специфический запах. К удивлению иноземцев и русских других областей, эту рыбу северные крестьяне предпочитали свежей. В зимнее время употребляли строганину – сильно замороженную рыбу, которую ели, соскабливая ножом с тушки тонкие ломтики. Из квашеной и свежей рыбы делали кулебяки и рыбники, отличавшиеся тем, что в них рыбу целиком запекали в тесте.

В скоромные дни употребляли мясо, кислое молоко и творог. В постные дни меню разнообразили грибами, которые

Село Кимжа Мезенского района, вид с реки Кимжи.
Фото Б. Макеева, 1976 г.

употребляли в вареном и соленом виде. Из даров леса крестьяне, помимо грибов, лакомились лесными ягодами, орехами. Обычным блюдом на столах была моченая брусника. В праздничные дни стол разнообразили выпечкой; помимо упомянутых выше пирогов с рыбой, обязательными на столе были шаньги – круглые ржаные лепешки. Праздничными напитками были пиво, брага и мед. Водка на столе северян появилась в начале XX века.

От положения печи зависела внутренняя планировка избы. По диагонали от печи располагался "передний" (красный, большой) угол, где помещался обеденный стол и иконы. От верхней части печи отходили полаты – дощатый настил под потолком, служивший для спанья и складывания вещей.

Помимо дома и помещений для скота (двора), в крестьянскую усадьбу входили подсобные сооружения – бани, амбары, сеновалы, чуланы, колодцы и т.п. Наибольший художественный и исторический интерес представляют бани, амбары и мельницы, сохраняющиеся еще в поморских деревнях.

Почти у каждого хозяина имелись бани. Наличие бани в жилищном комплексе является одним из основных признаков северно-русской культуры, восходящим к глубокой древности. Общеизвестно описание мытья в бане новгородских словен в "Повести временных лет". Мытье в бане, особенно парение, имело лечебное значение, издавна использовавшееся в народной медицине.

Ритуальную роль играла баня в семейной обрядности: свадебной, родильной, поминальной. До настоящего времени баня сохраняет лечебно-гигиеническую роль в быту северно-русских районов.

Своеобразие архитектурному ансамблю северно-русской деревни придавали ветряные мельницы, являющиеся одним из древнейших и замечательнейших произведений народной строительной и инженерной мысли. Письменные источники свидетельствуют о широком распространении мельниц в Древней Руси. О густой сети ветряных мельниц в северной и средней полосе России говорят статистические данные начала XIX века.

Особое значение в жизни северян имели места религиозного поклонения. Церкви и часовни нередко были центрами, вокруг которых возникали селения. Церкви обычно сооружались на видных местах, часто на высоких берегах рек. Примером может служить сохранившаяся до наших дней великолепная деревянная церковь XVII века в с. Кимже на Мезени, прославившая это село среди почитателей ста-

но и вдоль дорог, в лесах, в местах слияния двух рек, около родников и т.п.

В панораму северно-русских деревень входили старинные деревянные кресты, отражающие не только религиозные, но и определенные художественные и мировоззренческие принципы русского населения. Деревянные кресты и столбы, называемые часовенками, ставили по краям улиц, при въезде в деревни, на дорогах, перекрестках, на сенокосах, в лесных рощах и других почитаемых по какой-либо причине местах.

Большинство подобных крестов являются обетными, т.е. поставленными во избавление от грядущих бед или в благодарность за добро. Согласно рассказам крестьян, чаще всего обещались (овещались) богу рыбаки, промышлявшие на море, в опасные для жизни моменты. Выйдя на берег живым, рыбак ставил обетный крест или на берегу моря, в непосредственной близости от места спасения, или у себя в деревне, около дома. Этот обычай, связанный с необычайно тяжелым и суровым трудом северных ры-

рины и искусствоведов. Часовни можно было увидеть не только в селениях,

баков, отразился в местной поговорке: "Кто на море не бывал, тот бога не маливал". Другим поводом для возведения

обетных крестов служили болезни, чаще всего детские.

Главным украшением старых мезенских домов является конек на крыше, или, вернее, на охлупне – массивном бревне, венчающем крышу дома. Во многих домах конская голова вырезается не только на охлупне, но и на концах "куриц" – деревянных крюков, поддерживающих крышу с боков.

Большое значение в северных деревнях придавалось украшению фронтона жилища. До сих пор можно встретить дома с резными кронштейнами крыш, подзорами, причелинами, полотенцами.

Декоративность крестьянского быта заключалась не только в росписи и резь-

Фото Н. Демиденко, 2005 г.

Деревянный крест
рядом с домом, д. Печище
Мезенского района.
Фото В. Топоркова, 1971 г.

бе на наружных и внутренних частях построек, но и в разнообразии домашней утвари. Расписные прялки, швейки, туеса помещались на видном месте. Предметы быта и мебель дополняли сундуки, окованные железом и расписанные обычно в синих, красных и желтых тонах; они и сейчас имеются в некоторых домах.

К числу наиболее ярких промыслов рассматриваемого региона можно отнести изготовление и расписывание прялок. Прялка считалась лучшим подарком девушке от жениха и замужней женщине от мужа. Обычно каждая женщина имела несколько прялок. Им придавалось ритуальное значение в семейной жизни, на что, в частности, указывают сюжеты прялочной росписи, связанные, как правило, со свадебной символикой: изображение свадебного крестьянского выезда на саянях, запряженных лошадьми, "древа жизни", разноцветных пав, голубей, птицы Сирина и т.п. Магическое значение имели разнообразные дарственные надписи, которыми сопровождали роспись прялок изготовлявшие их мастера.

Поморские прялки и рубели, как правило, изготовлялись мужчинами в длинные осенние и зимние вечера на промыслах рыбы и морского зверя. Изготовлялись и другие изделия, среди которых особого внимания заслуживают "щепные птицы", оперение и хвост которых вырезались из расщепленной сосны, откуда и само название данных изделий. Прежде во многих северных домах было в обычае вешать деревянные птицы в красном углу или над обеденным столом; от движения теплого воздуха птицы вращались по кругу. Пожилые крестьяне еще помнят об этом обычае, но из современного быта он уже ушел.

Большое место в быту всех северян занимала береста, из которой изготовляли лапти, короба, пестери, лукошки и другие изделия. До сих пор берестяные короба и лукошки входят в интерьер многих домов.

Северно-русский народный костюм является вариантом общерусского костюма, основные элементы которого, по мнению этнографов и археологов, сложились ко времени существования восточнославянского единства и Киевской Руси.

Археологические находки X–XII вв. свидетельствуют о крестьянском производстве тканей для одежды, а распространение шиферных пряслиц на всей территории Древней Руси, включая Русский Север, позволяет говорить о существовании прядения и ткачества уже в XII–XIII вв. Кроме тканей собственного производства, поморы использовали привозные, в том числе и заграничные ткани. До сих пор в сундуках крестьянок хранятся платья и сарафаны, сшитые из атласа, тафты, камки, кумача, сатины, ситца и т.п.

Основу северно-русского народного костюма, мужского и женского, как и у всех восточных славян, составляла домотканая рубаха туникообразного покроя с рукавами. В женском costume этот древний тип рубахи был заменен рубахой с поликами – особыми вставками на плечах, обычно орнаментированными. На мужских рубахах вышивали ворот и разрез у ворота. Преобладала мужская рубаха – "косоворотка", с разрезом на левой стороне.

Замужние женщины поверх рубахи надевали верхнюю одежду. В большинстве восточнославянских областей это были те или иные виды поясной одежды. У северных русских с XV–XVI вв. поясная одежда была вытеснена сарафаном. Более древним считается "косоклиный" сарафан, распространенный в Новгородской области и в связанных с ней районах; этот сарафан позднее был вытеснен "круглым" ("московским") сарафаном, сшитым из прямых полотниц домотканой или покупной материи (ситца, парчи, штофа, шелка, атласа).

Со второй половины XIX в. сарафанный комплекс стал вытесняться новым видом одежды – юбкой с кофтой, – появившимся в деревнях под влиянием города. Этот костюм обычно шили из покупных однотонных, реже клеточных, тканей; юбки украшали по подолу атласными лентами. Однако полностью старинный комплекс одежды не был вытеснен, и до 1930-х годов он сосуществовал с новыми видами одежды. Мужской поясной одеждой были штаны с узким шагом. Рубаху носили поверх штанов, подпоясывая ее поясом.

В холодную погоду надевали зипуны, кафтаны, полушубки, которые шились из сукна и овчины. В подобной одежде не было существенных различий по полу.

Традиционные головные уборы, особенно женские, сохраняли немало архаических элементов. Различались женские и девичьи уборы. Девушки носили повязки, оставлявшие открытой макушку головы. Нарядные повязки украшались богатыми

вышивками, лентами; иногда по краям отделялись жемчужной или бисерной поднизью. Замужние женщины носили "кокошник" – вариант "сороки" – рогатого головного убора многих русских областей. Со временем кокошник был вытеснен "повойником", который к XIX в. получил широкое распространение. Нарядные повойники шились из бархата; овальное дно их украшалось сплошным золотым шитьем, отчего они получили название "кованные повойники". Поверх повойников надевали платки; по праздникам – нарядные, разноцветные шали. Мужские головные уборы более однообразны. Это валяные шапки, вытесненные позже картузами и кепками.

Характерной повседневной обувью северных русских были лапти, плетенные из лыка. Высокие кожаные сапоги считались праздничной обувью. И с сапогами, и с лаптями носили онучи: обвивавший ногу кусок материи, заменявший чулки. Позже получили распространение вязанные из шерстяной пряжи, богато орнаментированные геометрическим узором носки.

На Русском Севере до сравнительно недавнего времени сохранялись архаические формы общины. Первичной формой землепользования было "печище" – небольшая деревня из нескольких хозяйств, связанных между собой родством. Позже получили распространение другие формы общины: община-деревня и община-волость.

Для общины характерно самоуправление, когда на коллективных сходах всего "мира" выбирались должностные лица во главе со старостой. Общинная организация контролировала пользование землей, промысловыми угодьями, осуществляла неофициальную цензуру нравов и благотворительные функции. Исследователи видят в общинном устройстве пережитки первобытного коллективизма. Так же рассматривают и обычай северно-русских посиделок, когда девушки и молодые замужние женщины собирались в одном из домов для совместной работы – прядения и шитья. На посиделках пели песни, частушки, играли в традиционные игры с приходившими в гости парнями.

В общине сформировалась такая форма коллективного труда, как "помочи" – общественная, добровольная помощь отдельным хозяйствам. Хозяева в благодарность устраивали "угощение" с пивом или водкой. С общинными традициями связывают склонность северных русских объединяться в артели на всевозможных промыслах: лесных, морских, ремеслен-

ных, отхожих. Характерен коллективный характер соблюдения обрядов, участие всей общины в отправлении тех или иных обычаев, когда община брала на себя часть расходов. Особенно это касалось свадебных обрядов, требовавших немало затрат от семей жениха и невесты.

Известно, что, приняв христианство, народ не отказался от дедовских обычаев, а, напротив, сохранил их под новой религиозной оболочкой. Особенно ярко проявилось это в обрядах земледельческого календаря, принявшего под влиянием христианства вид бытовых свяцев. Используя имена церковных святых, крестьяне создали календарь сроков сельскохозяйственных работ, составили указатель погоды. Зачастую к именам святых прикреплялись прозвища, характеризующие период времени, на который приходится поминание того или иного святого. Так, о зимнем солнцевороте говорили: Со Спиридона-солнцеворота солнце – на лето, зима – на мороз; Евдокия – Подмочи порог, оттого, что в это

Крестителя, Ильи-пророка, Покрова Богородицы; Козьмы и Демьяна.

Народный календарь содержит немало обычаев и обрядов, связанных с продуцирующей магией, долженствующей обеспечить хороший урожай, приплод домашних животных, счастливый брак и т.п. Магическим пожеланием благополучия в предстоящем году проникнуто исполнение новогодних колядовыв песен в канун Нового года.

В северно-русских областях новогодние величальные песни исполняли с характерным припевом: "виноградье, красно-зеленое мое", отчего сами песни получили название виноградий. В них молодые люди, которым предназначалась песня, наделялись идеальными чертами, так что на молодца "здивовались" не только крестьяне, но и все бояре и дворяне. Песни кончались пожеланиями жениться. Необыкновенными чертами характеризовалась "девица-душа" в девичьих виноградях. В некоторых из них девушка избражалась чудесной вышивальщицей:

...Она шила, вышивала тонко бело полотно.

Да первый угол вышивала – красно солнце с маревами,

Да второй угол вышивала – светел месяц со лунами, Светел месяц со лунами, со частыми со звездами.

Да третий угол вышивала – всю Россию со людьми, Да на четвертом вышивала – сине море со волнами, Сине море со волнами, со черными кораблями.

Да носередке вышивала молодца с конем, Да молодца с конем, да с вострым копьём...

Традиционная повседневная одежда с сарафаном.
Фото И. Заринова, 1975 г.

время начинались оттепели; Елена звалась Льяницей, так как в это время положено было сеять лен, и т.п. К именам святых приурочивались пословицы, поговорки и приметы, по которым определяли предстоящую погоду, отчего во многом зависела судьба урожая. Если на Макария Великого ясный день – ранней будет весна, а если метель, то метель будет все дни Масленицы и т.п.

Деревенские обряды, игры и хороводные песни сосредоточились вокруг христианских праздников: Рождества Христова, Васильева дня, Крещения, Пасхи, Фоминой недели, Троицы, Георгия-Победоносца, Николая-Чудотворца, Ивана-

Полтавские прялки.
с. Малые Нискобы Лешужанского района
Фото И. Заринова, 1975 г.

Столь же магическим, по воззрениям народа, было исполнение подблюдных песен при новогодних гаданиях. Своё название эти песни получили от блюда с водой, в которое собравшиеся гадать де-

вушки клали снимаемые с себя кольца, браслеты и другие предметы. Под пение хора одна из них вынимала тот или иной предмет. Певшаяся при этом песня предвещала ее хозяйке счастливую или несчастную судьбу. Если в песне говорилось о золоте, серебре, хлебе, кошке, греющейся на печи, это соответственно предвещало богатство, урожай и замужество.

Магическое значение имел и обычай ряженья на святки козой, медведем, лошадью. Широко распространенным было поверье: "где коза ходит, там жито родит". Магическую роль играли фигурки животных (козульки), выпеченные из теста или вылепленные из глины, которыми принято было одаривать колядовщиков.

Обряды продуцирующей магии сопровождали период проводов весны (лета), приходившийся в большинстве русских районов на Петров день. Нарядно одетые девушки и парни качались на качелях, распевая песни о весне. Качание – один из распространенных у многих народов магических приемов, изображающий рост, подъем растений.

Еще один вид магических обрядов связан с очистительной магией. Особое значение придавалось этим обрядам в период зимних и летних святок. Так, на Крещение, после окончания святочных гуляний, было принято купаться в крещенской проруби – Иордани – с тем, чтобы смыть с себя грехи. Существовало представление, что купание в Иордани дает здоровье на весь предстоящий год. Подобное очистительное свойство придавалось купальским кострам, практиковавшимся на Ивана Купалу (Ивана Крестителя). Во многих северно-русских районах предпочитали купание. В день Ивана Купалы ломали березовые ветки, делали из них веники, с

которыми потом парились в бане. Веники бросали в реку, гадая при этом: если веник тонул, бросивший его должен был умереть в текущем году. Вероятно, мытье в бане заменило, в силу суровых климатических условий, прежнее купание в реке. Определенную роль сыграло и то обстоятельство, что во многих русских районах большая лечебная и очистительная сила приписывалась парению в бане.

Русский Север по праву считался и считается сокровищницей устного народного творчества. В многочисленных вариантах здесь были записаны сказки, легенды, былички, пословицы, поговорки, обрядовые и лирические песни, баллады, частушки, народный театр и др. Особенно велико в истории не только северно-русской, но и всей русской национальной культуры было значение былинного эпоса. Долгое время былины были известны по рукописным сборникам XVII–XVIII вв. Настоящей сенсацией стало открытие в конце XIX в. живых очагов былинной традиции в районах русского Поморья: Заонежья, Беломорья, рек Пинеги, Мезени, Кулоя и Печоры. Хотя поиски былин производились с конца XIX в. повсеместно, былинная традиция была обнаружена только на Русском Севере. В тех местах, куда былины проникли с позднейшей колонизацией (Сибирь, Алтай, Дон), сохранились лишь следы этой традиции; в центральной и южной России число и полнота записей ничтожны.

На Русском Севере большое распространение получил еще один вид эпической поэзии – заговоры (по-местному – слова). Большинство записанных текстов представляют собой заговоры от болезней: на ожог, на кровь, на ушиб (ураз), на уши, на зубы, на жабу (болезни горла), на рожу, на чирьи, от жару (лихорадки). Осо-

бенно широко были распространены заговоры от детских болезней: на исполох (испуг), на грыжу, на прикос (сглаз). Раньше многие матери знали эти заговоры и сами заговаривали болезни у детей.

Богат свадебный комплекс обрядов русских поморов. Свадебные обряды интересующих нас районов представляют собой вариант великорусского свадебного обряда. Общевеликорусским является наличие в свадьбе таких элементов, как смотрины невесты, осмотр дома жениха, девичник. Ряд элементов свадебного обряда поморских районов считается присущим только северным великорусам: мытье невесты в бане и связанные с этим обычаи и песни, театрально-драматический характер свадебного представления, печальный тон свадьбы, создаваемый причитаниями невесты. Хотя свадьбы редко играют по-старому, свадебные лирические песни, величания и причитания, сопровождавшие в свое время сватовство, рукобитье, девичник, мытье в бане, пир у невесты, свадебный пир у жениха до сих пор помнят женщины не только старшего, но и среднего поколений.

В свадьбе поморов значительной была роль предсвадебных обрядов – девичников, парнишников. На девичниках, которые невеста собирала в течение недели и дольше, девушки помогали готовить приданое, пели грустные песни, лейтмотивом которых было расставание с родным домом, прощание с девичеством, расставание с подругами детства. Девичник завершался ритуальным мытьем в бане, где невеста прощалась с девичьей волей.

Кульминационным моментом свадьбы был свадебный пир в доме жениха, куда свадебный поезд прибывал после венчания. К свадебному пиру приурочены специальные песни и шуточные сценки. Пели также много величальных песен, обращенных к жениху, невесте, их родственникам и гостям пира.

Некоторые фольклорные произведения исполняются и в настоящее время на семейных вечерах, на сельских праздниках, на концертах художественной самодеятельности. Самые распространенные из них – песни и частушки, в меньшей мере – сказки, загадки, пословицы и поговорки.

Одной из форм бытования традиционного фольклора стали фольклорные ансамбли, созданные во многих селах Архангельской области. Репертуар одного из них, из села Лешуконского Мезенского района, лег в основу репертуара знаменитого на весь мир Северного русского народного хора. ●●●